

ОКТАБРЬ

I

Было совсем пасмурно, когда мать разбудила Василия. Она наклонилась над сыном, потеревила его за плечи и резко, задыхаясь от волнения, сказала:

- Вставай скорее! Стреляют!

Василий испуганно поднялся и сел на кровати.

- Что такое?

- Стреляют, говорю; большевики стреляют...

Мать стояла у кровати, одетая в теплую жакетку, с серым платком на голове. В руках у нее была пустая плетеная корзина, та самая, с которой она всегда ходила на базар.

- Ну, что ты смотришь как баран на новые ворота? Не узнал, что ли? Ванька-то не ночевал нынче. Как бы не попал в беду. Ах ты господи!

Лицо у матери вдруг сморщилось и задрожало, словно она собиралась заплакать. Но удержалась и опять заговорила резко и ворчливо:

- Черти проклятые! Ревалюцанеры тоже. Согнали царя, а теперь сами себя начали бить. Друг дружке башку сшибают. Всех бы вас поганым кнутом постегать. Нынче и хлеба-то не дали. Вот пошла и ничего не принесла.

И старуха сердито протянула к лицу сына пустую корзину.

Василий сразу очнулся.

- Стреляют? Значит, началось? - тревожно спросил он.

- Да уж тебе лучше знать, началось у вас или нет, - ответила мать, резко сдергивая с головы серый платок и швыряя его в угол на зеленый сундук, - ваша компания-то действует...

- Та-ак! - протянул Василий и быстро, в один прием, оделся и накинул пальто на плечи.

- Ты еще куда, дурья голова? - забеспокоилась мать. - Один не ночевал, и ты собираешься улизнуть? Хороши сынки... Куда ты?

Но Василий не ответил и, как был - неумытый, нечесанный, с сонным туманом в голове, - быстро вышел на улицу, к воротам.

День начинал сумрачный, с небом, плотно закутанным дымчатыми облаками. На улице, у ворот, стоял сапожник Лобырь, по прозвищу "Ясы-Басы", живший в квартире рядом с той, в которой жили Петряевы. У соседних домов стояли кучки народа, а на углах чернели толпы.

- Ну, Василий Назарыч, заварили большевички кашу, - угрюмо усмехаясь, встретил Ясы-Басы Василия. - Слышите, как попыхивает?

Василий прислушался. Из города неслись выстрелы, то близкие, четкие и громкие, будто стреляли рядом на соседних кварталах, то далекие и слабые.

- Это что же, из винтовок? - спросил он.

Ясы-Басы кивнул головой.

- Из винтовок. В самую полночь начали. Так бьются, аж кровь ручьем льет. Убитых видимо-невидимо. Беда ведь пришла, Василий Назарыч.

Длинный, как верста, сутулый - согнутый работой, - с темными усами почти до плеч, в старой синей поддевке ниже колен, Ясы-Басы был похож на кривую, уродливую плаху, поставленную на две ноги. Когда с ним говорили - знакомые или незнакомые, - всегда посмеивались: смешной он, Ясы-Басы. И сам смеется, и других смешит. Но теперь было не до смеха.

- А, Василий Назарыч? Ведь это что же? Это же брат на брата пошел.

Василий жадно слушал далекую стрельбу и ничего не ответил.

Стрельба велась беспрерывно. Город, спрятанный в тумане и в сумерках наступающего утра, был полон новых, грозных звуков.

Тррах...тах...ах... - гремело за далекими домами.

- Вот так зашумела Москва-матушка! Бывало, только жужжала да выла, а теперь громом загремела, будто Илья-пророк по Тверской катается, - говорил тихонько и грустно Ясы-Басы, поглядывая вдоль переулка, через крыши далеких темных домов, туда, к Москве. - Хорошо, что мы на Пресне, а то теперь как раз бы в переплет попали.